

Игорь Иртеньев

**ПОВЕСТКА ДНА
стихи 2012—2014**

Серия «Поэтическая библиотека»

К Иртеньеву не зря прочно приклеилось газетное имя «правдоруб» — он ведь действительно режет в глаза правдую-матку. Да, в его исполнении она такая: с ухмылкой, с ёрничаньем, с каким-то частушечным хулиганством. «А как стихи это серьезно?» — может спросить суровый критик. «Злобы дня в этих стихах много, но дух поэзии живет, где хочет — в фельетоне так в фельетоне», — отвечает за автора Сергей Гандлевский. А он дело знает.

игорь иртенъев

п о в е с т к а д н а

с т и х и 2012—2014



Сергей Гандлевский

БАЛАГАНЧИК ИГОРЯ ИРТЕНЬЕВА

... Человек, увы, не птица,
Не даны ему крыла,
В чем мы можем убедиться,
Прыгнув на пол со стола.

Ладно б только не могли бы
Мы по воздуху летать,
Но и в море, словно рыбы,
Не желаем обитать.

Ибо там мы без скафандра
Смерть найдем себе на дне.
И гореть, как саламандра,
Нам не нравится в огне.

Потому что в этом мире,
Грош которому цена,
Из стихий числом четыре
Нам подходит лишь одна...

Игорь Иртеньев слагает стихи так лихо, словно палит по-македонски с двух рук, и, кажется, нет ничего проще, чем говорить в рифму и в такт.

Рассуждая по-житейски, *противоестественно* складная и при этом осмысленная речь и есть самое главное и праздничное в поэзии — за что ее любят или *не* любят. Ведь говорить, в принципе, хоть бы и прозой — сущее мучение: эканье-меканье, слова-паразиты, вспомогательная жестикуляция и страдальческие гримасы от бессилия выразиться точно... А тут находится шуткарь, которому эта попытка будто бы нипочем, и весь набор цирковых сравнений — с жонглером, канатоходцем и проч. — применительно к нему совершенно уместен. Причем фокусы он проделывает, как и положено, играючи, будто в свое удовольствие, пусть даже и говорится нередко на довольно невеселые темы:

Прокукарекал петушок,
А значит, со двора,
Приняв с утра на посошок,
Нам трогаться пора.

Мы загостились тут с тобой,
Пора бы знать и честь,
Уже рога трубят отбой,
Нам подавая весть.

Она не то чтобы блага,
Но уж какая есть,
И нам остатки пирога,
Похоже, не доесть.

Сметем же крошки со стола,
И в рот себе стряхнем.
Спасибо жизнь, что ты была...
Да вышла день за днем.

Но так называемую исповедальную лирику, вроде процитированных выше строф, где за героем стихотворения маячит фигура автора, Иртеньев пишет нечасто. Его искусство по преимуществу под стать актерскому. Поэт талантливо подмечает разные оттенки смешного и перевоплощается в соответствующего персонажа, от лица которого и держит речь. Иногда такой творческий метод выходит автору боком: как-то Иртеньев смеха ради «включил» борзописца-проходимца («Ария возвращенца») — и тотчас сделали стойку болваны с патриотическим приветом.

А вот он снова преобразился — и перед читателем потуги важного скудоумия выдать себя за глубокомыслие (что роднит автора с Козьмой Прутковым):

Поскольку есть на свете части света,
То где-то быть должны и части тьмы.
Но где они? Молчанье... нет ответа.
Напрасно бьются лучшие умы...

Когда поэт особенно в ударе, его замечательно несет — точь-в-точь по известной соленой присказке «слово за слово» и т. д.:

Дней прошла регата
Пестрой чередой,
А ведь был когда-то
Я телезвездой.

На цветном экране
Распушал усы,
С Шерон Стоун в бане
Сдергивал трусы.

Очень удаются Иртеньеву подделки под дворовый фольклор с его чувствительным бредом:

Люди Эллу прозвали Анжелой

За глаза голубые ее,
И была она гордой и смелой,
Не боялась она никого.

Когда наблюдаешь за работой хорошего мастера, скажем, столяра, помимо всего прочего, впечатляет, что единственная в своем роде вещь сделана при помощи древних как мир и общедоступных инструментов — молотка, стамески, рубанка... Вот и Иртеньев не изобретает велосипеда, используя проверенные приемы комизма, например, — смешение стилей:

Когда пленительных созвучий
В душе вскипает торжество,
Что мир мне этот злоебучий
И обитатели его?

.....
Судьба ли в этом виновата,
Слепой ли рок тому виной —
Меж нами пропасть в три обхвата,
И восемь метров глубиной.

Или очень непринужденно приплетает классику:

Убрав с утра пол-литра водки,
За пьянство списанный давно,
Пилот в засаленной пилотке
Грозит сопернику в окно.

Злобы дня в этих стихах много, но дух поэзии живет, где хочет — в фельетоне так в фельетоне. И для ценителя сквозь фельетонную стихию то здесь, то там посверкивают перлы *словесности*. (Сказав «перлы», один торжественный дурак, будто сочиненный Иртеньевым, попросил у телезрителей прощения за «непарламентское выражение», — честное слово, сам слышал. Извинюсь-ка и я, на всякий случай.)

И на фоне талантливой ёрничности — вдруг снова пафос, причем прямой и праведный, будто пожилой лицедей, переводя дух в гримерной, нехотя вправляет мозги нахальному молокососу:

И не рассказывай мне басни
Про то, что не было прекрасней
Страны, чем твой СССР.
Я сед, а ты, приятель, — сер.

А эти выстраданные строки, в свой черед, сменяются гэггами, безотказными, как вид надутого жлоба, севшего мимо стула, когда разбирает — нет, даже не интеллигентный смех, а какой-то неприличный утробный.

Спасибо Игорю Иртеньеву за весь этот балаган!

*Страна моя идет ко дну
Со мною заодно,
А мне обидно за страну
И боязно за дно.*

* * *

Пришли такие времена,
Что мне подсказывает разум:
«Товарищ, верь, придет хана
И всех накроет медным тазом».

Конец истории грядет,
Пускай слегка ошиблись майя,
Того гляди она придет,
На обе левые хромая.

Она придет, уж ты поверь,
В наш мир, безумием объятый,
И постучит сурово в дверь,
Как у того глухого в Пятой.

И ты взметнешься с ложа вдруг,
Пугая домочадцев сонных,
И выскочишь на страшный стук
В одних сиреневых кальсонах.

И двери настежь распахнешь,
Но не увидишь никого там
И до рассвета не уснешь,
Холодным обливаясь потом.

Пусть жизнь твоя пустым-пуста,
Пусть бога нет, а люди — звери
Но, услышав «та-та-та-та»,
Молю, не приближайся к двери!

* * *

Ты слышишь, скребется заря у ворот,
Хорош уже мять простыню.
Вставай, поднимайся, безвольный урод,
Навстречу грядущему дню.

Фабричный гудок протрубил за окном,
Говяд пробудились стада,
Вставай же — пусть даже в исподнем одном.
На подвиг борьбы и труда.

Довольно давить безмятежно клопа
В объятиях сладкого сна,
Ты ж нации совесть сегодня, n'est-ce pas?^[1]
С тобой лишь воспрянет она.

На то тебе лиру Господь и вручал,
Чтоб ты ей рассеивал мрак.
Уж трижды петух за окном прокричал
И свистнул четырежды рак.

Собрав по сусекам былой креатив,
Вставай, разрази тебя гром,
Вселенского зла выходи супротив
В обнимку с вселенским добром.

Пока твой густой, переливчатый храп
Разносится мирно окрест,
Борзее тиран, сатанеет сатрап,
Невинность влекут под арест.

Но ржет у крыльца в неизменном пальто
Твой конь, благородный Пегас,
Ведь если не вы, то считай и никто,
Одна лишь надежда — на вас.

* * *

Все уже правовая база,
Все шире беспредела тьма —
И это не пустая фраза,
Но вывод здравого ума.

Пока не все еще прикрыли,
Не все прихлопнули пока,
Хватай, товарищ, в руки крылья
И дуй отсюда в облака.

Последняя заря, аляя,
Последний предвещает день.
Так что оденься потеплее —
Пальто и валенки надень.

Там, в облаках, с питаньем скудно,
Комфорта не было и нет,
Зато торжественно и чудно,
Как нам указывал поэт.

Пусть знают злобные уроды,
Забывшие про стыд и честь,
Остатки жалкие свободы
У нас еще в запасе есть.

И до конца он не истает,
Тот стратегический запас,
Пока бессмысленно летает
Последний из немногих нас.

* * *

Я верю — поздно или рано
Наступит он, желанный час,
Когда, повергнув власть тирана,
Воспрянет креативный класс.

Когда у гробового входа
С табличкой «enter» на стене
Нас примет радостно свобода
И удивится: «вы ко мне?».

ПЛАЧ ПО ЛИЗАВЕТЕ

Жизнь и так-то не пастила,
Даже близко,
Так еще коза померла,
Звали Лизка.

Брык с копыт — и вся недолга,
Стоп машина,
А ведь были у ней рога
В два аршина^[2].

Отошла, аккурат, в обед,
В полвторого,
Пусть была ты, Элизабет,
Не корова,

Не звучала, как человек,
Столь же гордо,
Не забыть мне твою вовек
Козью морду.

Хоть всего-то ты и коза,
Нету спора,
Но такие встречу глаза,
Я не скоро.

Молока с тебя, как с козла,
Меньше даже,
Но не просто пятном была
Ты в пейзаже.

Пусть твердят, что я зоофил,
Враки это,
Как сестру я тебя любил,
Лизавета.

Будь бы даже я древний грек,
Типа эллин, —
Скотоложства тяжкий грех
Непомерен.

Да и песня моя о том,
Видят боги,
Что рогатым быть лучше скотом,
Чем двуногим.

* * *

Культурный слой буквально тает,
Как в вешнем небе облака.
Никто газеты не читает,
За исключением МК.

И я бы записался тоже
В его фанатов контингент,
Но мне МК читать негоже,
Поскольку я интеллигент.

Интеллигент — всему основа,
Всего причина на Руси.
Интеллигент — не просто слово,
Но символ нравственной оси,

Которая хоть вбита косо
И отравляет нам житье,
Но все проклятые вопросы
Вращаются вокруг нее.

К интеллигенции себя я
Давно по праву отношу.
Не зря, копейку зашибая,
Стишок нет-нет да напишу.

И в дальнем ящике комода,
Забытом, мрачном и пустом,
С тех пор, как вышел из народа,
Храню Камю четвертый том.

* * *

Дела из рук вон плохи
Плюс доллар вверх пошел,
А при царе Горохе
Тут было хорошо?

А скажем, при Иване
Четвертом? Кто забыл —
Безумце и тиране.
Эдем у нас тут был?

А при Петре Великом,
При плотнике-царе,
Что был ужасен ликом,
Как Ленин в Октябре,

Мы разве мед тут пили
И кушали халву?
А не при нем спалили,
Кто скажет мне, Москву

Так, что кирпич аж спекся
Под яростным огнем?
Но, впрочем, я увлекся —
Пожалуй, не при нем.

* * *

Движение воздушных масс
В отдельно взятый миг
Нас поражает всякий раз
И ставит нас в тупик.
Но можно палец послонить
И вверх его поднять,
Чтоб цель движенья объяснить
И смысл его понять.

БАЛЛАДА О ПОЛКОВНИЧЬЕЙ ВДОВЕ

На весь военный городок
Лихая шла молва,
Что, мол, слаба на передок
Полковничья вдова.

На боевом ее счету
Побед росло число
Так, что могильную плиту
Полковника трясло.

Ну ладно б половой гигант,
Так ведь любой щенок,
Любой сопливый лейтенант
Ее утешить мог.

В делах амурных зная толк,
На резвом топчане
Она бы и драгунский полк
Освоила вполне.

Когда б супруг ее в бою
Столь рано не почил,
И он бы толику свою,
Глядишь бы, получил.

И тем сполна бы усладил
Иссушенную плоть,
Но по-иному рассудил
Безжалостный Господь.

Жизнь справедлива не всегда,
Усвоить всем пора.
Одним — счастливая звезда,
Другим — земля сыра.

Одним — оркестр полковой,
Гризеток штабеля,
Другим — секвестр половой
До полного нуля.

Одним — солдатское сукно
Да крест над головой,
Другим — веселое кино
С красавицей-вдовой.

* * *

*Согласно опросу, проведенному фондом
«Общественное мнение», у россиян нет сегодня
безусловных моральных авторитетов.*

Где, где он, облик наш моральный,
Сиявший дивной чистотой?
Кругом лишь секс царит оральный,
И раздается мат густой.

Утратив прежнюю духовность,
Отбилось общество от рук,
Мораль отныне лишь условность,
Один пустой для сердца звук.

Морали место у парашаи —
Вот главный слоган наших дней,
Жизнь без нее намного краше
И продолжительней, чем с ней.

Давно золотые годы эти
В туманную умчались даль,
Когда была в авторитете
В родном Отечестве мораль.

Ты жаждешь к прошлому возврата,
Мой бедный друг? Какое там,
Когда наперсники разврата
Наперсниц шпилят по кустам.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru